

Ярослав Астахов

Бог альпинизма

записка, оставленная убийцей в камере
смертников

Ярослав Астахов

Бог альпинизма

«Издательские решения»

Астахов Я.

Бог альпинизма / Я. Астахов — «Издательские решения»,

Он убил человека. Точнее — бога. Он оставил в камере смертников записку, поясняющую, почему совершил такое. Невероятный мотив страшнее, чем само преступление.

© Астахов Я.

© Издательские решения

Содержание

1	7
2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Бог альпинизма

записка, оставленная

убийцей в камере смертников

Ярослав Астахов

*Тростинки надломленной не преломит, льна курящего не загасит.
Евангелие от Матфея, 12:20*

© Ярослав Астахов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Не просто хранить покой, оказавшись в камере смертников. Но все же я постараюсь. Иначе вряд ли получится изложить последовательно, членораздельно, **как вправду было**. Точнее – **ПОЧЕМУ** я совершил то, из-за чего оказался здесь.

Конечно, даже если и сумею описать в точности – кто поверит? Не по зубам подобное мозгу современного человека. И я пока не до такой степени отуплен страхом неминуемой смерти, чтобы не разуметь это.

Но все ж права поговорка, видимо: надежда умирает последней. То есть я верю: найдется один из тысячи, который, почитав эту вот предсмертную записку мою, окажется в состоянии вместить, **ЧТО** случилось. И почему я не мог поступить иначе.

И он тогда меня не осудит. И не захочется ему плюнуть мне на могилу... Но не об этом я беспокоюсь, впрочем. Желать, чтобы не плюнул один из тысячи? Да мне, по большому счету, и самому плевать...

Но я умоляю Бога, чтобы не унести мне в эту самую могилу открытие мое, кошмарное и нечаянное! Меня терзает, что мне – **известно**, тебе же (кто начинает, надеюсь очень, сейчас читать эту мою предсмертную записку) ... тебе же – **нет!**

Как и вообще никто из людей не ведает, кроме лишь одного меня, какой беспощадный тайный мощный поток пронизывает ежемгновенно медлительные воды нашей обыденности!.. Возможно, преступлением своим я спас мир.

Мое открытие настолько немислимо, что смехотворно мала надежда, что мне – поверят. Но пусть она и ничтожна – я человек, и потому не могу до последнего не стремиться довести до сведения человечества открывшееся мне новое!

Тем более, что мое **ПОСЛЕДНЕЕ** – совсем близко. Я должен хоть попытаться предостеречь...

Может быть – оно и напрасно было, предпринятое мной преступление... Об этом невыносимо думать! Ведь если все же не **ПОЗАБЫЛ** убитый моей рукой... То есть, если убив его я так и не уничтожил его Намерение...

Здесь и далее: Гималаи 1994 (фото автора)

1

Но постараюсь рассказывать по порядку. Сумбурность изложения может стать поводом не воспринять всерьез. А поводов таковых ведь и без того имеется более, чем достаточно.

Я заплатил дорогую цену, чтобы предотвратить недоверие или, по крайней мере, дать шанс моему сообщению быть воспринятым не только скептически. Ты думаешь, почему откровения мои берут старт лишь здесь, в коробке камеры смертников? Да потому, что надеюсь: хоть место написания столь неординарного текста заставит не легкомысленно воспринять сообщаемое в нем!

Ведь мне из этой коробочки-то – не выпрыгнуть. Иначе, как на тот свет. Мне вынесенный приговор обжалованию не подлежит и записку эту можно будет прочесть лишь после того, как я стану трупом.

И ты – который сейчас читаешь – ты сообразишь, думаю, что не было мне, человеку верующему, никакого резона плести неправду. В такой-то комнате!..

А правду ли я говорил на суде? Да, её. Но только далеко не всю полностью.

Хотя вершившим тот суд рассказанного мной показалось вполне достаточно. Я даже, кажется, и разочаровал тогда несколько прокурора. Ведь он же заготовил заранее – не сомневаюсь – блистательную многоходовку, нацеленную обличить обвиняемого вопреки всем уверткам его и адвоката. А я возьми да признайся сразу! Не дал судейскому волку явить искусство прищучивания столь опасного и – благодаря стараниям СМИ – ненавидимого широкой общественностью преступника.

Но разве это не мелочь по сравнению с тем, что не оказалось проблемы с постановлением присяжных «виновен» и приговором? Судья даже позволил себе один удивленный взгляд мне в глаза. В котором ясно читалось: не страшно ли тебе, смертный, делать этакое признание? Ты разве совсем не в курсе, что полагается по закону тем, кто вершит подобное?

Откуда же ему знать, этому герою официозных залов: есть вещи много более страшные, нежели признать на суде вину, достойную высшей меры. ГОРАЗДО более...

Однако далеко не только подобных ему законников я изумил тогда. Моя семья, друзья, близкие – они были в шоке! Они ведь знали меня всегда как нормального, мирного, спокойного

человека. Который убивать будет разве что, если уж его совсем загнать в угол. То есть когда не оставят ему вообще никакого выбора.

Я сам себя таким знал. Даже думал, что мог бы оказаться скорее самоубийцей, чем отобравшим чужую жизнь. И это при полнейшем отсутствии склонности к суициду.

Конечно, не воображал себя кротким агнцем, который вообще не в состоянии убить ни при каких обстоятельствах. Но думал: если уж мне выпадет пролить кровь, то – лицом к лицу! Глаза в глаза и когда или я его или он меня и другого выхода нет!

Меня или – хуже того – МОИХ. Вот этим бы действительно мог вдохновиться на убийство такой, как я. ТОЛЬКО этим. Потому что ведь если кто-то... моих... я кончу его в это самое же мгновение и глазом, что называется, не моргну!

Так именно я о себе полагал всегда. В смысле, что ни при котором другом раскладе у меня рука не поднимется прервать жизнь.

И вот как получилось на деле...

Впрочем, такое и вообще нередко подкидывает судьба. Человек располагает, а бог... Причем, что самое страшное, даже и не всегда этот бог – Всевышний.

Ты знаешь, как случилось на деле, из материалов моего Дела №... и решения по нему суда. Причем сознаться именно в этом КАК мне было трудней всего! Не просто произнести «я убил», а притом признать: я сделал это расчетливо, исподтишка, подло. Заранее спланировав удар и прикидывая различные варианты...

И все же я сумел произнести признание и в таком. То есть рассказал правду и ТОЛЬКО правду.

Хотя, как я уже и сказал, – не ВСЮ. Да, я не приукрашивал ничего, но при этом... я кое о чем умалчивал.

О наиболее важном. Поскольку, так поступая, приобретал единственный шанс **поверить, что мне поверят**. Потом – когда сообщу ВСЮ правду.

Итак, я делаю это сообщение вот сейчас, когда пишу эти строки. Моя надежда лишь на тебя, кто читает их.

Надежда. Что мне поверят. Мое единственное утешение перед смертью.

Вот ради чего я терпел ту пытку во время заседаний суда: не просто лишь осуждающие – гадливые, презрительные на меня взгляды со стороны присутствовавших. Желчь коих разбавляло только недоумение: ПОЧЕМУ? чего ты ради так сделал? какие ж основания это надо было тебе иметь, чтобы поступить **столь** подло?!

Они-то у меня как раз были. Ого, какие серьезные основания!..

Да только я про них говорить отказывался тогда жестко, тупо и наотрез.

Тем резче, чем упорней меня расспрашивали что обвинение, что защита.

А уж вездесущих представителей средств массовой информации – просто посылал, когда при моем появлении они начинали прямо-таки скандировать сей вопрос.

Ты думаешь, и для чего ж это я так запирался? Ответ простой. Иначе бы законники немедленно порешили: он хочет проканать как больной на голову. Они бы непременно умозаключили так и так только, если бы я изложил всю полностью и без купюр правду, как она есть!

А после такого вердикта ты точно бы уж не смог проникнуться доверием к тому, что я сообщаю здесь! Ты, пробегающий глазами сейчас эту мою предсмертную записку.

Поэтому даже пытка позором не заставила меня дать столь мощный повод к сомнению. Ведь и без того воспринять все то, что я собираюсь изложить ниже, будет нелегко как истинное свидетельство – то есть как правду буквальную, а не вымысел, вольный или невольный.

И вот, как я уже написал, это было основанием для того, чтобы я решил: пусть откровения мои начинаются только здесь. В пропитанной под завязку переживаниями неизбежного ужаса затхлой комнатке.

И пусть они предстанут глазам живых уже лишь после того, как я стану трупом.

Едва ли у кого возникнет желание посмеяться клятве, сказанной из могилы.

2

Я с первых же дней восхождения нашего восхищался им.

Да, буду называть его так. То есть местоимением.

Он.

Потому что я не могу... не получается у меня что-либо писать о нем, человеческое имя использую!

Не повинуетя рука просто. После того кошмарного, что довелось мне о нем узнать. О нем и о подобных ему...

Такое чувство, что это было бы какое-то мерзкое извращение. Обозначать... **его** – именем человеческим.

Итак: ОН.

Хотя он **БЫЛ** человеком. Не более. Он, так сказать, не превысил этот формат ни в единый миг.

Поскольку такового требовали от него правила его спорта. А выполнять их безукоризненно полагал он для себя делом чести.

Но тут меня занесло уже несколько вперед. Не буду пока рассказывать о его правилах и его спорте (точнее говоря – об ИХ спорте...). Поскольку – напоминаю себе – я должен излагать по порядку. Любое вкрапление сумбура может произвести впечатление: ага, у бедняги крыша поехала в ожидании казни. Погнал невразумительный бред и нет смысла продолжать читать дальше...

Прошу – не переставай читать!

На самом деле страх действует не так сильно на высоте «вышки», как думать принято. Здесь жутко, это конечно, но не на столько, как иногда бывает... вот просто жить. Наверное, потому что твоего «я» тут, в предбаннике смерти, как бы уже и нет – и ты почти что перестаешь за него цепляться...

И даже вот отрешенная печаль некая течет: а сколько сумбура, бреда, несоответствий в обыденных-то бывает наших речах и письмах! И мы ведь, пребывая на уровне, можно сказать, моря житейского повседневного, не обвиняем друг друга за это в неадекватности.

У нас на сие нет времени, коли даже и замечаем. Поэтому продолжаем просто привычно продираться сквозь весь этот бардак плечом нашего стремления вперед. Как правило, полагая при этом, будто бы такое «вперед» есть «вперед и вверх»...

Однако вот у него, похоже, едва ли когда случалась неадекватность. В нем не было ничего из того, что так раздражало меня в других партнерах по восхождениям, которых выпадало иметь.

Не ныл, например, на тему, что натирает ноги. Обувка горная наша – скажу для тех, что не в курсе, – особая на таких высотах. Поскольку там зверский холод. Минус пятьдесят градусов – не предел. И перепады могут быть очень резкими. Ты не заметишь, как поморозишь ноги, потому что внимание отвлекается массой всего другого, не менее важного для того, чтобы ты вернулся (а не оставил кости свои в заоблачных высях).

Поэтому восходящие на большие тысячники (так называют у нас многокилометровой высоты горы) предпочитают, как правило, носить не одну, а две сразу пары ботинок. Поскольку ни от поморозить, ни от сбить в кровь никакие носки тебе не помогут.

Есть внутренние такие ботиночки, легкие, мягкой кожи. Поверх уже надеваются внешние, здоровенные. Чудовища, на которые кошки крепятся.

А простенькое это шипастое устройство – кошка – твоя судьба. Вот отцепилась на леднике наклонном и ты, считай, труп.

Плохо закрепленная кошка соскальзывает внезапно при очередном шаге. Ты оступаешься и не можешь удержать равновесия, падаешь. И – начинается скольжение по наклонной плоскости...

И будешь так скользить и скользить, разгоняясь до скорости гоночного автомобиля с отказавшими тормозами. Конечно, тут надо пытаться зацепиться ледорубом, однако это чем дальше, тем трудней сделать.

Как правило, ледоруб выдергивает из рук, да и сами раскинутые руки легко ломаются о встречные выступы льда или камня на больших скоростях скольжения. В итоге, как это мы говорим с черным юмором, к подножию наклонного ледника «одни уши приедут».

Но правильно закрепленные кошки не отцепляются (в большинстве случаев). Они устройство не подлое: не подводят. Кошки способны держать на скользком как зверь, по имени которого названы. Конечно, если ты **УМЕЕШЬ ХОДИТЬ**...

Так вот, оно до белого каления довести могло, нитье некоторых, что ноги стерты. Тогда как от него я не слышал на эту тему ни единого звука.

Он просто молча садился попой на снег и переобувался, ежели когда что смещалось от непростой ходьбы нашей по разномастным наклонным плоскостям в сложносочиненной обуви. Спокойно улыбался и, применяя незамысловатые «ноу-хау», старался сделать, чтобы сидело лучше.

И преуспевал ведь всегда! Мне бы так!

Я, впрочем, и вообще захотел тогда во всем быть, как он. Произрасталось сие желание во мне плавно столь, что даже и не заметил. Притом, что восторженность вообще-то не в моем стиле!..

Чем выше мы забирались, тем чаще случалось думать: вот именно таким альпинистом, как он, я хотел бы быть. Чего там – я мечтал дорасти не только в смысле горной сноровки, а сделаться таким... **ЧЕЛОВЕКОМ**. Как мало я о нем знал тогда!

Но, впрочем, даже и в те дни я неким инстинктом чувствовал: нелепо человеку стремиться сделаться **ТОЧНО** таким, как он. Рости до величины подобного монстра по совершенству... я даже не представляю, как **холодно** должно быть на таких высотах!

А вот от альпинистской хватки такой бы не отказался я точно. В его лице на нашей планете побывал бог. Живое воплощение альпинизма, как абсолютной идеи.

Бог скалолазания... Зажимы и крюки, карабины и тросы, связки да блоки как будто сами собой порхали около его рук аки птахи прикормленные! Пожалуй, на его могильной плите следовало бы написать: родился с ледорубом в руках.

И от ледоруба же...

Если бы она у него была, эта могильная плита. Или, можно сказать, она у него оказалась очень, очень большая...

А что напишут на моем камне? Здесь лежит прах убийцы спасителя своего? Он спас мне жизнь раза три за время, покуда продолжалось восхождение наше.

Два раза точно.

Да ведь и в третий, пожалуй. Чтобы остаться в живых, проходя над Свистящей Щелью, требуется иметь покой абсолютный...

Способна ли держать оный моя душа? Какой-то ресурс покоя, пожалуй, у меня есть. Пишу же вот сейчас предсмертные строки – рука не вздрагивает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.